

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
98 (35)

СБОРНИК
ПАМЯТИ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1998

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Важным элементом описания как отдельных рукописей, так и целых коллекций Н. В. Пигулевская считала выяснение их происхождения, истории их складывания и бытования.¹ Приводим здесь имеющиеся на этот счет в нашем распоряжении свидетельств, не учтенные в существующих каталогах.

1. Одним из наименее известных и изученных является небольшое (18 единиц?) собрание греческих рукописей библиотеки Санкт-Петербургского университета. Как уже отмечено автором единственного обзора, о нем нет упоминаний ни в каталоге Е. Э. Гранстрем, ни в справочнике Марселя Ришара, не сохранилось также никаких актов о поступлении рукописей в библиотеку университета (хотя ясно, что «основное ядро рукописного фонда библиотеки сложилось еще в дореволюционный период преимущественно за счет пожертвований и покупок»).² По данным М. Ф. Тонберг, большая часть рукописей — позднейшего (XVII—XIX вв.) происхождения, содержат по преимуществу тексты церковных служб-аколуфий различным святым, шесть из этих рукописей, судя по владельческим пометам, происходят из библиотеки афинского коллекционера Григория Бурниаса (см., например, описание кодекса № 10: «Служба чудотворцу Власию, архиепископу Севастийскому, читается 11 февраля. XIX в. Запись писца: ἐξ ἀρχαίου χειρογράφου ἀντίγραφον. Ἀνήκον εἰς τὴν βιβλιοθήκην Γρηγορίου Μλουρνία. „Копия с древней рукописи. Принадлежит библиотеке Григория Бурниа“. Ниже следует подпись владельца с указанием места и даты: „В Афинах 6 декабря 1886 г.“. Это вторая рукопись, переписанная специально для библиотеки Бурниа. К сожалению, личность его выяснить не удалось. Можно предположить, что он был собирателем рукописей и книг и жил в Афинах в конце XIX в. Несомненно, он коллекционировал и церковно-служебные рукописи. Вследствие нехватки интересующих его текстов он имел их копии, переписанные от руки по его заказу. В нашей коллекции Бурниа принадлежит шесть рукописей: одна — XVII в., две — XVIII в., и три — XIX в.»).³

Все эти наблюдения предстоит еще проверить непосредственно по рукописям (мне, в частности, осталось неясным взаимоотношение записей писца и владельца). Пока что отмечу одно важное открытие М. Ф. Тонберг: когда ее статья уже находилась в наборе, ей удалось обнаружить по путеводителю Архива РАН имя Григория Бурниа среди корреспондентов известного отечественного ученого-эллиниста Виктора Карловича Ернштедта (1854—1902).⁴ Мне неизвестно, обращалась ли М. Ф. Тонберг к бумагам В. К. Ернштедта с целью найти нужный документ и прояснить для себя вопрос о Григории Бурниасе (судя по листу использования — нет): если не ошибаюсь, никаких публикаций у нее больше не было. Между тем нами найден этот документ (я благодарю за помощь в этом деле И. В. Куклину) — письмо Григория Бурниаса к В. К. Ернштедту, к сожалению, недатированное (конверт отсутствует), составленное на неважном французском языке, которое гласит:⁵

Monsieur!

J'ai reçu votre lettre et je m'empresse de me conformer d'après vos instructions en vous envoyant sous enveloppe le catalogue d' ἀκολουθῶν et manuscrits.

Les livres d' ἀκολουθῶν montent en 167 et contient (sic!) plus de 200 d' ἀκολουθῶν. Les manuscrits sont 36 dont les deux sur membrane et les restes sur des differents papiers anciens.

Notez bien pourtant, Monsieur, que ces manuscrits m'ont été demandés par la bibliothèque de Paris, mais mon désir était et sera pour toujours pour ma nation de mon dogme et pour plus d'assurance je vous envoie sous enveloppe sa lettre.

Je m'empresse aussi de vous offrir pour Vous et pour votre nation dont j'estime comme ma propre nation mes profonds (sic!) salutations. Je vous salu (sic!).

Gregoir (sic!) Bourgnas.

P. S. Je crois que le prix des manuscrits et ἀκολουθῶν pour 1500 roubles n'est pas exagéré.

Перевод: «Мсье! Получил Ваше письмо и спешу, сообразуясь с Вашими наказами, послать (Вам) в этом конверте (?) каталог аколупий и рукописей. Книги с аколупиями достигают 167 штук и содержат более 200 аколупий. Рукописей — 36, из них две на пергамене, остальные — на различных сортах старинной бумаги.

Заметьте все же, мсье, что эти рукописи уже запрашивались Парижской Библиотекой, но моим желанием было и будет всегда (трудиться на благо) моей православной страны, а для большего заверения я посылаю (Вам) в этом же конверте (?) ее (т. е. Парижской Библиотеки?) — И. М.) письмо.

Спешу также передать мои искренние приветы Вам и Вашей стране, которую я чту как свою собственную.

Приветствую Вас. Григорий Бурниас.

PS. Полагаю, что цена рукописей и аколупий в 1500 рублей не преувеличена».

Итак, должен был бы существовать где-то каталог (скорее всего, рукописный), который все поставил бы на свое место. Пока что приходится ограничиваться предположением, что В. К. Ернштедт выбрал по присланному каталогу нужные ему рукописи и приобрел их, передав их позднее в библиотеку родного университета.

2. Известное само по себе и квалифицированно описанное И. Н. Лебедевой⁶ собрание греческих рукописей, принадлежавшее нашему выдающемуся литургисту Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1856—1929), а ныне хранящееся в Рукописном отделе Библиотеки РАН, также нуждается в объяснении с точки

зрения истории его приобретения Библиотекой и его оценки. Е. Э. Гранстрем считала это собрание «мало интересным по составу, так как в нем преобладают рукописи XVIII в. богословского содержания; имеются несколько книг для записи треб, отправлявшихся священниками каких-то церквей. Наиболее ценным в этом собрании представляется сборник XVIII в. (№ 19), написанный на пергамене».⁷ Но вот в нашем распоряжении находится документ, содержащий более развернутую и взвешенную оценку собрания Дмитриевского, — составленный по просьбе заведовавшего Рукописным отделением БАН Всеволода Измайловича Срезневского (1867—1936) Владимиром Николаевичем Бенешевичем (1874—1938) и адресованный директору БАН акад. С. Ф. Платонову (1860—1933) отзыв о ценности собрания рукописей и книг Дмитриевского, датированный 5 апреля 1926 г. Документ хранится в фонде С. Ф. Платонова в Российской национальной библиотеке Петербурга (Отдел рукописей, ф. 585, д. 763) и представляет собою машинописный текст, 1-й и 2-й экземпляры, каждый на двух страницах, причем первый экземпляр правлен (чернилами и карандаш), датирован и подписан рукой самого В. Н. Бенешевича. Публикуем текст именно по этому первому экземпляру.

Директору Библиотеки Академии Наук СССР.

Согласно просьбе Вс. Изм. Срезневского, представляю свой отзыв о ценности собрания рукописей и книг проф. А. А. Дмитриевского. Собрание проф. А. А. Дмитриевского, переданное им уже в Академию наук для рассмотрения, заключается в себе:

1. Рукописи:

- а) греческие в составе 12 отдельных отрывков и 21 более или менее полных кодексов;
- б) грузинской рукописи пергаменный отрывок;
- в) славянские и русские в составе 13 отдельных отрывков и 16 более или менее полных кодексов.

2. Документы разнообразного содержания.

3. Печатные книги:

- а) старопечатные греческие, латинские и славянские;
- б) новой печати греческие, латинские и русские.

Кроме того, по устному заявлению проф. А. А. Дмитриевского, сделанному им мне в руководство для полноты и точности осведомления, в состав продаваемого собрания входят не теперь, но после его смерти все собранные им документы, печатные книги и рукописи, хранящиеся ныне в его квартире и осмотренные мною по его желанию; две эфиопские рукописи уже поступили в Азиатский Музей, как принадлежавшие к составу библиотеки акад. Б. А. Тураева, хотя на деле они принадлежат А. А. Дмитриевскому. Научная ценность отдельных частей собрания очень разнообразна. Самой ценной частью должны быть признаны:

А. Греческие рукописи, среди которых ряд пергаменных листов могут быть отнесены к IV—IX векам и интересны для палеографов, но особенно важны кодексы:

- 1) греческо-арабская триодь 1405—1407 годов такой редакции, которая проф. А. А. Дмитриевским встречена еще только в двух списках Синайской библиотеки;
- 2) устав Савв<инского> монастыря 1588 г.;
- 3) пергаменный сборник из рукописей XV, X и XII веков, содержащий, между прочим, своеобразные хроноурафия и хроноураφος νέος;
- 4) устав Савв<инского> монастыря пергамен. XIII века, представляющий редакцию этого устава в первоначальном его виде и содержащий в конце дневник неизвестного, XVII века;
- 5) чрезвычайно важный для истории византийской литературы список устава XIV в., содержащий указание имен авторов поэтич. произведений IX—XIII веков;
- 6) два т. наз. покаянных номоканона XVII в. и 1722 г., содержащие много важных данных для истории быта;
- 7) прочие рукописи имеют значение для палеографии и для истории обрядовой жизни греч. Востока.

Б. Чрезвычайно интересны и документы:

1) Переписка известного в Палестине архимандрита Антонина (Капустина) за 1834—1877 гг.

2) Подлинный устав Нежинского греческого братства и документы, связанные с историей этого братства.

3) Деловая переписка одной бегло-поповской общины, живо характеризующая нравы и быт половины XIX века.

В. Наконец, не меньшую важность имеют и печатные греческие книги, среди которых есть много редчайших изданий XVI—XIX веков; некоторые из этих книг я напрасно искал в течение многих лет по библиотекам Европы и у букинистов; обыкновенно это небольшие брошюры, скоро исчезавшие из виду даже в местах своего появления.

Что касается славянских рукописей, то тут интересны только отдельные листы, вырванные из древних, может быть, ныне уже совсем погибших кодексов. Целные же рукописи таковы, что ни сами по себе, ни для собрания Академии наук они выдающегося научного интереса не представляют. Гораздо лучше состав печатных русских книг, среди которых много важного для науки материала, и найдутся полезные дополнения даже и для Библиотеки Академии наук.

Очень трудно определить денежную стоимость собрания. В отношении к греческим рукописям можно было бы составить представление о ценах по каталогам К. Hiersemann, O. Nagrowsitz и J. Waeg, уменьшив их раз в 10; но у этих книгопродавцов предлагаются рукописи, бьющие на эффект и в то же время обыкновенно в научном отношении мало значащие, иногда едва ли больше, чем хорошая фотография с любого лицевого евангелия XI—XII веков. По отношению к ненарядным рукописям цены совсем другие, но их приходится уменьшать не в 10 раз, а в 2—3. Но особенные трудности при оценке вызываются тем, что некоторые рукописи, все документы и ряд книг являются не только вообще редкими, но и униками, и что в состав продаваемого собрания входят очень ценные материалы, находящиеся еще пока в квартире проф. А. А. Дмитриевского. Могу, однако, с уверенностью признать, что предлагаемое проф. А. А. Дмитриевским собрание не уступает по ценности тому, которое было куплено Российской Публичной библиотекой у А. И. Пападопуло-Керамева за 5000 рублей и ныне описано мною. Поэтому я признал бы цену в 5000 за собрание профессора А. А. Дмитриевского несколько не преувеличенной, а скорее, может быть, даже и преуменьшенной.

5/IV — 1926.

В. Бенешевич.

Конечно, и в этом случае все эти данные нужно сопоставить с «живыми» рукописями, о которых идет речь в отзыве В. Н. Бенешевича, что пока не входит в задачу данных «записок». Отмечу лишь, что вопрос о передаче коллекции Дмитриевского Рукописному отделу БАН был тесно связан с спорным вопросом о внедрении в помещение БАН Русско-Византийской комиссии и об образовании в составе БАН Кабинета византиноведения (1925—1927). Спор (с взаимными жалобами в Президиум АН) велся, собственно говоря, между главой Русско-Византийской комиссии академиком Ф. И. Успенским, настаивавшим на «отводе» особого помещения для комиссии (ученым секретарем этой комиссии был В. Н. Бенешевич), и директором БАН академиком С. Ф. Платоновым, соглашавшимся на образование Кабинета только «в составе БАН» и на «кредиты БАН».⁸ В бумагах Платонова сохранилась его собственноручная записка (есть и ее машинописная копия) по поводу заявления Ф. И. Успенского в заседании Историко-Филологического отделения АН от 13 апреля 1927 г. о приобретении собрания книг и рукописей Дмитриевского, которая гласит: «В данном случае покупки собрания А. А. Дмитриевского и в других подобных, Библиотека была обязана высказывать свои соображения не только о ценности приобретаемого, но и о целесообразности приобретения. С этой точки зрения Библиотека в докладе Президиуму и указывала, что

предлагаемое к покупке собрание имеет очень важное значение для отдела или Кабинета византиноведения <...> Приобретать — наряду с прочими книжными и рукописными ценностями — такой материал, какой мог бы служить целям византиноведения, Библиотека по мере возможности будет. Собрание проф. Дмитриевского является в этом отношении ценнейшим приобретением» (27 апреля 1927 г.).⁹

3. Интерес представляют не только «аллографичные» греческие рукописи из коллекции А. А. Дмитриевского, но и его собственные знаменитые «автографы» — списанные им тексты целых рукописей, в частности для IV тома (до сих пор неопубликованного) его «Описания литургических рукописей». Все эти списки хранятся теперь в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в составе архива А. А. Дмитриевского (ф. 253, д. 281) и вызывают к себе пристальный интерес исследователей,¹⁰ так как в некоторых случаях содержат тексты ныне утраченных рукописей. В данном случае мы снова даем слово В. Н. Бенешевичу, который, будучи в 20-е гг. теснейшим образом связан с А. А. Дмитриевским (он даже унаследовал его должность в Российском Палестинском обществе — ученый секретарь), первым ознакомился с содержимым архива ученого и немало способствовал приведению его в порядок.

Сотрудничая в 30-е гг. с редколлекцией мюнхенского журнала «Byzantinische Zeitschrift», В. Н. Бенешевич, среди прочих материалов, послал в 1935 г. в адрес Франца Дэльгера (ответственного редактора журнала) и составленную им на немецком языке заметку об этих материалах А. А. Дмитриевского.¹¹ В ней он сообщает биографические сведения о Дмитриевском, данные о составе и судьбе его рукописи, дает детальный список рукописей, тексты которых были списаны Дмитриевским, высказывает предположение о том, что «невежественные соседи по квартире стали хозяйничать после смерти бедного и одинокого ученого по-своему, а оба тома (т. е. тома IV и V подготовленных к печати Евхологиев. — И. М.) при этом погибли. Они разделили судьбу исключительно богатыми материалами собрания почтенного А. Пападопуло-Керамевса, вдова которого все это сожгла».

Автору этих строк уже приходилось публиковать свидетельства В. Н. Бенешевича о гибели архива А. И. Пападопуло-Керамевса,¹² и мне доставляет удовольствие констатировать, что в случае с А. А. Дмитриевским он ошибся: по крайней мере указанные в его заметке рукописи Дмитриевского сохранились и ждут своего скорейшего опубликования. Что же касается самой заметки В. Н. Бенешевича, то она не была опубликована на страницах «Byzantinische Zeitschrift», для которых предназначалась, и из письма Франца Дэльгера от 27 декабря 1935 г. мы узнаем — почему. «Благодарю за очень полезную заметку о наследии Дмитриевского, — пишет Дэльгер. — Я сам всегда удивлялся тому, что творчество этого человека не нашло подлинного отзвука в ученом мире. В то же время — Вы ведь знаете, что мы все совершенно недостаточно информированы о судьбе русских византинистов. И сегодня приводить ad hoc заметку с воспоминаниями о Дмитриевском я бы не считал правильным; возможно, когда-нибудь представится случай вспомнить о нем с помощью (Вашей?) заметки».¹³

Поскольку случай такой нам представился, то мы и приводим текст заметки В. Н. Бенешевича (перевод излипен, так как о содержании ее сказано достаточно). Текст воспроизводится со всеми особенностями автора.

Dmitrievskij A. A. Beschreibung der liturgischen Hss, welche in den Bibliotheken des orthod. Orients aufbewahrt werden. Bd IV Theil II: Εὐχολογία. Bd V: Süd-slavisches Euchologium.

Der Vf. (geb. am 11 März 1856, gest. am 8. Aug. 1929) hatte beide dicke Bände druckfertig schon lange vor 1928 gehabt als ich dieselben zum letzten Mal sah. Alle Bemühungen, das wissenschaftlich hoch wichtige Werk im Druck erscheinen zu lassen, blieben resultatlos, und um den etwaigen Fortsetzen seiner Arbeit nützlich zu sein, hat der greise Forscher die Gelegenheit benutzt, der von seinen Freunden u. Schülern zusammengestellten Bibliographie seiner Werke einen Nachtrag hinzuzufügen, wo er die für beide Bände benutzten Hss verzeichnet, leider ohne Angabe der excerptierten Stücke; die Reihenfolge der Hss wird durch ihr Alter bestimmt; ich zähle sie hier um Raum zu sparen, nach den Bibliotheken auf. Bd. IV. Teil II. griech. Hss: Paris. Coisl. 214, 324, 326, 328, 330, 347, 349, 362, 367, 392, 410, 412, 1152; du fonds gr. 393; du suppl. gr. 1084; Barber. III 48 (79), 64 (80), 112, 109 (416), 104, 25 (302); Cryptoferr. Γβ III 30, I 28, II; Corsin. 41 E 31; Vindob. 256; Venet. 547; Athoi Athanas. B 22, 33, 34, O 149; Hieros. Metoch. 134 (593), 355; Hieros. Patr. 68, 110, 205, 352, 375, 377; Trapezunt. Περσικὰ 10; 4 eigene Hss des Vf.'s, welche jetzt teils in den Öffentl. Staatsbibliothek teils in der Bibl. der Ak. d. Wiss. sich befinden. Bd. V. slav. Hss: Sinait. 5, 12, 13, 15, 16, 17, 30, 158; Athoi Chiland. 5, 98, 119, 149, 265; Παύλου (dessen Hss sämtlich verbrannt sind) 47, 72, 76, 77, 148, 149, 222, 273; der Univ.-Bibl. in Odessa 126; der Öff. Staatsbibl. in Lgr. 102, und der Sammlungen des Archimandr. Antonin (Kapustin) in derselben Öff. Staatsbibl. und des Vf.'s in der Bibl. der Ak. d. Wiss. Dieses Verzeichniss ist aber nicht vollständig, denn ich selbst habe z.B. Auszüge aus den verbrannten Turiner Hss gesehen.¹⁴

Nun ist die Suche nach beiden Bänden in dem Nachlass D's bis jetzt resultatlos geblieben; da seine Papiere in die Öff. Staatsbibliothek und in das Archiv der Ak. d. Wiss. in einem verwahrlosten Zustand gelangten, so ist es anzunehmen, dass die unwissenden Zimmernachbarn nach dem Tode des armen einsamen Forschers nach ihrer Art gehaust haben, und beide Bände dabei zugrunde gegangen sind. Sie haben das Schicksal der überaus reichen Materialiensammlung des hochverdienten A. Papadopoulos-Kerameus geteilt, dessen Witwe sie alle verbrannt hat.

W. Beneszewicz.

Примечания

¹ См., например: Пигулевская Н. В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976. С. 164 и след. Существенным недостатком каталогов считает отсутствие истории собрания и Б. Л. Фонкич. См. его рецензию на каталог рукописей БАН: ВВ. 1977. Т. 38. С. 216.

² Тонберг М. Ф. Греческие рукописи Библиотеки им. М. Горького Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова // ВВ. 1971. Т. 31. С. 128. В последний момент выявились новые важные материалы, связанные с происхождением этой коллекции. Они будут рассмотрены отдельно (предположительно в 58-м томе «Византийского временника»).

³ Тонберг М. Ф. Греческие рукописи... С. 130.

⁴ Там же. Примеч. 9 (со ссылкой на: Архив АН СССР. Обзорные архивных материалов. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 214).

⁵ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 733, оп. 2, д. 32, л. 1.

⁶ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 5: Греческие рукописи / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973.

⁷ Гранстрем Е. Э. Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. С. 273.

⁸ Материалы по этому вопросу также хранятся в Рукописном отделе РНБ (ф. 585, д. 750, 20 л.).

⁹ Там же, л. 17—18 (автограф С. Ф. Платонова); л. 16 (машинописная копия).

¹⁰ См., например: Arranz M. Les archives de Dmitrievsky dans la bibliothèque d'Etat de Leningrad // *Orientalia Christiana Periodica*. 1974. Vol. 40. Fasc. 1. P. 61—83; о. Михаил Арранц. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия // *Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге* / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 120—133.

¹¹ Черновик статьи сохранился в бумагах В. Н. Бенешевича: Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 3, д. 87, л. 135—136.

¹² Медведев И. П. Неожиданный Бенешевич: заметки по материалам архива ученого // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 30—31. К моим словам о том, что «Бенешевич прав, не снимая и с себя вины за эту утрату, так как вдова Пападопуло-Керамевса, судя по всему, ставила вопрос о судьбе архива ученого», добавлю: Елена Георгиевна Масленникова обращалась с этим вопросом не только к В. Э. Регелю, но, несомненно, и к В. Н. Бенешевичу. В примечании к составленному им списку трудов Пападопуло-Керамевса Бенешевич сам подчеркивает, что «некоторые материалы из архива П.-К., собранные в хронологическом порядке и переплетенные в несколько толстых томов <...> наследницей покойного Е. Г. Масленниковой были предоставлены в мое распоряжение» (Бенешевич В. Н. Список трудов А. И. Пападопуло-Керамевса. Пг., 1915. С. 3, примеч. 1). Наверняка были и разговоры о судьбе архива в целом.

¹³ Архив РАН (СПб. филиал), ф. 192, оп. 2, д. 62, л. 26: «Ich habe mich selbst immer gefundert, dass das Werk dieses Mannes in der fachgenössischen Welt kein rechtes Echo gefunden hat. Indessen, Sie wissen ja, dass wir das Schicksal der russischen Byzantinisten allesamt ganz ungenügend unterrichtet sind. Heute noch *ad hoc* eine Erinnerungsnotiz an Dm. zu bringen, würde ich nicht für richtig halten; vielleicht ergibt sich einmal eine Gelegenheit anmerkungsweise an ihn zu erinnern».

¹⁴ В. Н. Бенешевич не мог еще знать, что в копии Дмитриевского (ОР РНБ, ф. 253, д. 281) также сохранится знаменитый Cod. Dresden (104) (XI в.), содержащий в форме служебного «Апостола» фактически третью редакцию «Типика Великой Церкви» и практически полностью утраченный (безнадёжно изувеченный огнем при пожаре) в годы второй мировой войны.

I. P. Medvedev

LES MATERIAUX POUR SERVIR À L'HISTOIRE DES COLLECTIONS DES MANUSCRITS DE S.-PÉTERSBOURG

L'article est consacré à la publication de quelques documents, inconnus jusqu'ici, des archives de St.-Pétersbourg qui peuvent servir [à] l'histoire des collections des manuscrits de notre ville, à savoir: 1) Une lettre d'un collectionneur d'Athènes de la fin du 19-e s. Grégoire Bourgnias, adressées aux prof. de l'Université de St.-Pétersbourg V. K. Ernsted (1854—1902) qui jette quelque jour à l'origine de la collection mal étudiée des manuscrits grecs de cette Université; 2) Un mémoire de V. N. Benešević (1874—1938) avec l'estimation de la collection des manuscrits du prof. A. A. Dmitrievskij (1856—1929) à l'occasion de son achat par la Bibliothèque de l'Académie des Sciences en 1926; 3) Une autre notice de V. N. Benešević, destinée pour la «Byz. Zeitschrift» mais restée non publiée, sur les fameux «autographes» du A. A. Dmitrievskij, c'est-à-dire ses copies des manuscrits grecs entiers, y compris ceux qui sont perdus aujourd'hui.